

Анисимова А. Н. Генезис и развитие теории жанра идиллии в Германии первой половины XVIII века (от И. Х. Готшета до М. Мендельсона) / А. Н. Анисимова // Научный диалог. — 2017. — № 2. — С. 100—114.

Anisimova, A. N. (2017). Genesis and Development of Idyll Genre Theory in Germany in the First Half of the 18th Century (from I. H. Gushed to M. Mendelssohn). *Nauchnyy dialog*, 2: 100-114. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 821.112.2+82-133

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-2-100-114

Генезис и развитие теории жанра идиллии в Германии первой половины XVIII века (от И. Х. Готшета до М. Мендельсона)

© **Анисимова Александра Наумовна (2017)**, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций, Самарский филиал Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет» (Самара, Россия), AnisimovaAN@mgpu.ru.

Рассматриваются особенности формирования теории жанра идиллии в Германии первой половины XVIII века в трудах И. Х. Готшета, С. Геснера, И. А. Шлегеля и М. Мендельсона. Представлены результаты сопоставительного анализа концепций немецких теоретиков. Новизна исследования видится в системном освещении подходов к изучению жанра идиллии, которые сложились в немецком литературоведении. Актуальность исследования обусловлена рассмотрением основных этапов развития жанра идиллии: (1) утопическая модальность (поиски «золотого века») в концепции И. Х. Готшета, (2) социальная направленность идиллий С. Геснера, (3) повышение статуса идиллии в жанровой иерархии (из низших в средние) в концепции И. А. Шлегеля, (4) отвержение нормативности жанра идиллии в концепции М. Мендельсона. Приводятся определения терминов *идиллия*, *эклога*, *пастораль*. Автор останавливается на результатах исследований, изложенных в основных трудах указанных теоретиков, приводятся цитаты и комментируются фрагменты работ, труднодоступных русскому читателю. Статья представляет собой обобщение опыта многолетней работы автора над указанной темой. Делается вывод о том, что в трудах теоретиков литературы от И. Х. Готшета до М. Мендельсона можно отметить рационалистические тенденции и стремление увидеть в жанре идиллии отражение идеальной («разумной») природы.

Ключевые слова: идиллия; эклога; пастораль; утопическая модальность; жанр.

1. Утопическая модальность жанра идиллии в трактовке

И. Х. Готшета

Немецкая теория идиллии зародилась с одной стороны, под знаком восприятия творчества Феокрита и Вергилия, а с другой — в продолжении традиций французской и английской пасторали. Основными вопросами, обсуждавшимися в теории этого жанра, были отношение к «золотому веку», принцип «подражания природе», или мера реалистичности, а также утопическая модальность пасторали. Исследованиям жанра идиллии посвящены работы российских и зарубежных литературоведов [Аверинцев, 1996; Зыкова, 1999; Клейн, 2005; Пахсарьян, 1998; Саськова, 1997; Юрченко, 2001; Böschstein-Schäfer, 1967 и др.].

Из немецких теоретиков первым к разработке проблем идиллии обратился И. Х. Готшед (1700—1766). Он сделал это в книге «Опыт критической поэзии» («Versuche einer Critischen Dichtkunst», 1730) в разделе «Об идиллиях, эклогах или пастушеских стихотворениях». И. Х. Готшед напоминает, что идиллия — древнейший жанр поэзии, а пастухи — первые поэты, учителем которых являлась природа¹ [Gottsched, 1988, S. 93]. До Феокрита существовали пастухи-поэты [Ibid., S. 94], но его заслуга в том, что он первым попытался соединить природу и искусство и превзошел всех в своем мастерстве.

Суть идиллического жанра И. Х. Готшед видит «в подражании невинной, спокойной и безыскусной пастушеской жизни, которая прежде царила на земле» [Ibid.]. Это не что иное, как изображение золотого века человечества — картина состояния невинности, или ранних патриархальных времён до и после потопа [Ibid., S. 95]. Идиллический мир населён «свободным народом, который не знает ни о каких королях и князьях, живёт на плодородных землях и у которого есть всё в изобилии — не только травы и деревья, но и прекраснейшие фрукты» [Ibid.]. Герои идиллий мало что знают о тяжёлой работе, о войнах и нищете; каждый отец семейства сам себе король и господин; его дети и слуги — его подданные; его богатство — это его стада. Враги для них только дикие звери. И. Х. Готшед подробно описывает быт пастухов «золотого века»: деревенская хижина видится ему дворцом, лес — садом; погребом служит холодная пещера. Одежда изготавливается из шкур и шерсти, шляпы — из соломы. Едят герои идиллии молоко и сыр, а лакомством считаются плоды поля и сада. Всё хозяйство пастуха — это его сумка, верный сторож — собака. Лучшим украшением для девушки является цветок, а самым приятным времяпрепровождением — музицирование.

1 Здесь и далее цитаты представлены в переводе автора статьи.

В пятом параграфе своего сочинения Готшед описывает основные занятия пастухов: «С точки зрения рассудка, эти счастливые пастухи простодушны, но не глупы» [Ibid.]. Они даже владеют ремёслами: плетут корзины, режут палки, вырезают фигуры и картины на кубках, плетут венки, сажают плодовые деревья. Готшед подчёркивает, что пастухи «не образованны» [Ibid.], но знают из рассказов самых умных из них «о тайнах природы, о ходе светил» [Ibid.]. Они живут чувствами, говорят же о том, что происходит, что они видели или слышали, любят подробные рассказы.

Шестой параграф раздела посвящен описанию качеств пастухов. Готшед подчёркивает, что эти люди наивны, в них нет тщеславия и зависти; в их среде отсутствует несправедливость, а споры разрешаются в состязаниях по лучшему владению тем или иным искусством. Пастухи честны — «обман, воровство, грабеж, разбой им отвратительны» [Ibid., S. 96], «их торговля заключается в обмене» [Ibid.], «они откровенны, но скромны, щедры, но не расточительны, любят почёт, но не горды, наконец, они также умеренны и трезвы, и, одним словом, доброжелательны и всегда всем довольны» [Ibid., S. 96].

Любовь И. Х. Готшед считает самым распространённым в среде пастухов чувством, но добавляет, что у них это чувство «невинное». Оно — единственный источник удовольствия, но также и повод для беспокойства. Пастухи избегают искусственных, изощрённых средств, с помощью которых можно было бы добиться взаимности, — объясняются в любви, обмениваясь с возлюбленными стыдливymi взглядами, даря друг другу цветы и плоды. Пастухи «ревнивы и чувствительны, но можно легко смягчить их нрав» [Ibid.], «они очень верны в любви» [Ibid.].

Сравнивая действующих лиц идиллий у Феокрита и Вергилия, Готшед отмечает, что у первого поэта они «изображены порою грубыми и неуклюжими, то есть такими, какими они были в своё время в действительности, а не такими, какими должны были быть изображены» [Ibid., S. 97]. Кроме того, Феокрит наделяет их пороками, которые, по мнению И. Х. Готшед, «не пристало иметь поэтическим пастухам» [Ibid.]. Вергилий же «сделал своих пастухов более любезными» [Ibid.], но и у него «не все пастухи в достаточной степени добродетельны и невинны» [Ibid.].

Готшед сетует на то, что Фонтенель сделал своих пастухов остроумными парижанами и одел их в шёлковое платье. Он полагает, что французскому автору следовало бы «лучше изучить подлинную природу» героев своих произведений [Ibid.]. Здесь Готшед противоречит сам себе: в случае с Фонтенелем он требует большей реалистичности, а Феокрита обвиняет за верность правде жизни.

Обращаясь к первой эклоге Вергилия, Готшед поднимает тему, которая будет важна для характеристики поэтики этого жанра: оппозиции пастушеское — царское, а также затрагивает вопрос, касающийся социального содержания идиллии, её общественно-политической значимости. Готшед отмечает, что Вергилий должен был бы писать об Августе не как о существе божественном, ему следовало бы «изобразить короля самым богатым, умным и уважаемым пастухом» [Ibid., S. 98]. Это было бы оправданно, «тем более что они (короли. — А. А.) описываются в Библии как пастыри своего народа» [Ibid.].

Готшед утверждает, что идиллии надо писать только литературным языком. Если придерживаться какого-либо диалекта (и здесь он приводит в пример Феокрита, писавшего на дорийском диалекте), то они не будут доступны для всех читателей Германии. Однако он советует «вкраплять нечто наивное, деревенское» в сюжеты идиллий [Ibid., S. 99].

В труде И. Х. Готшедата представлены все три основных аспекта, обсуждавшиеся в XVIII веке теоретиками идиллии. Он помещает мир пастухов в пору «золотого века», причём упоминает и о библейском веке патриархов (о котором позднее напишет С. Геснер). Именно с труда И. Х. Готшедата возобновляется в немецком литературоведении дискуссия о «золотом веке», которая, казалось, затихла после исследовательского трактата Фонтенеля. Поскольку в немецкой литературе не было достаточно сильной классицистической традиции, то не было и борьбы с эстетикой подражания. Создавая развёрнутые картины «золотого века», Готшед как бы рисует свой идеал справедливого общества. Топика «золотого века» могла служить ему свидетельством существования подобного периода в истории человечества. Несмотря на иллюзорность этого прекрасного мира создается впечатление, будто автор видел его собственными глазами, тем самым мир пастухов превращается в работе немецкого просветителя в своего рода литературную реальность. Готшед переносит в свою теорию идиллии аспект утопизации прошлого.

Пастушескому миру И. Х. Готшедата присуща утопическая модальность. Просветитель создает силой своего воображения идеальное сообщество, членам которого присущи бюргерские добродетели, причем он перемещает действие в мир до существования государства. Речь идёт, конечно же, не о создании общественно-политической утопии, но об утопическом возвышении идеалов из сферы частной жизни, которые противопоставлялись нормам государственного устройства. Эти идеалы могли осуществляться в кругу семьи и близких друзей, но имплицитно они несли в себе политический протест. Таким образом, идиллия становится жанром, в котором

создается «нравственная утопия». Как отмечает Г. Ю. Шнайдер, теория идиллии И. Х. Готшета (изображение картин «золотого века») поразительным образом перекликается с утопической картиной робинзонады в романе И. Г. Шнабеля «Остров Фельзенбург» (1731), что указывает «на общие корни современной буржуазной идеологии формирования ценностей» [Schneider, 1988, с. 45].

Важным является то обстоятельство, что Готшед вводит в теорию идиллии социальную тематику, которая станет позднее неотъемлемой частью этого жанра.

Таким образом, глава книги И. Х. Готшета, посвященная идиллии, представляет собой попытку обновления просветительской поэтики немецкой литературы на основе философии рационализма. Основным принципом учения И. Х. Готшета стал принцип подражания природе, но это не попытка автора скопировать ее, а следование рационалистическому миропорядку. И. Х. Готшед считал, что немецкая поэзия должна ориентироваться на нормы французского классицизма, чтобы добиться европейского признания.

2. Обновление жанра идиллии в творчестве С. Геснера

Немецкая идиллия получила всемирное признание благодаря С. Геснеру (1730—1788), который оставил след также и в развитии теории этого жанра. Свою любовь к природе и добродетельному образу жизни швейцарский писатель выражал в пасторальной графике, живописи и литературе. Его вступление к «Идиллиям» («An den Leser», 1756) не было в чистом виде разработкой теории этого жанра, но ставило проблемы правдоподобия и затрагивало вопрос о «золотом веке». Однако из-за исключительной популярности С. Геснера как автора идиллических произведений его вступление непременно рассматривалось как своеобразный манифест для последователей этого жанра.

Новым у писателя была его интерпретация идиллий Феокрита, который до этого воспринимался как «слишком грубый» поэт, теперь же берется на вооружение его «реалистичность», мастерство в изображении как «простоты нравов и чувств» [Gessner, 1988, с. 110], так и красот «безыскусной» природы. С. Геснер связывает в своем творчестве идиллический вымысел с презентацией личности автора, его любви к природе и добродетели. Образ автора придает иллюзорному миру пасторали оттенок аутентичности.

С. Геснер называет и тех, кому идиллия адресована: «Все картины тихого покоя и мягкого счастья, которому ничто не мешает, должны нравиться людям с благородным образом мыслей» [Ibid., S. 109].

Оппозиция «город — деревня» — основная пружина сюжета в произведениях С. Геснера, который, как известно, и сам часто бежал из города на природу, где мог побыть в одиночестве и где он был «счастлив, как пастух во времена «золотого века», когда он был богаче короля» [Ibid.].

Давая дефиницию жанра эклоги, С. Геснер пишет, что её «действие... развивается именно в таких благодатных местах, которые населены достойными жителями, и демонстрирует нам сцены из жизни счастливых людей — то, как они ведут себя в условиях простоты нравов, естественного образа жизни, их склонности во время всякого рода происшествий, в счастье и несчастье» [Ibid.].

Начиная именно с С. Геснера идиллия приобретает более острую социальную направленность, что служит отличительной чертой именно немецкого варианта этого жанра. Виновными в падении нравов С. Геснер считает недостатки общественного устройства. Его поэтические пастухи «свободны от всякого рода рабских отношений и от всех потребностей, которые вынуждали бы их, к несчастью, удалиться от природы» [Ibid.]. Неиспорченным сердцем и разумом они воспринимают своё счастье, и идиллия С. Геснера как бы переносится во времена «золотого века», изображение которого приобретает для немецкой литературы характер упрека веку нынешнему, что наделяет идиллию ещё и элементами сатиры.

Вслед за своими предшественниками С. Геснер полагал, что автор должен тщательно отбирать материал, отбрасывая всё грубое. Успех С. Геснера как автора идиллий определяется удивительным синтезом прежних достижений в области теории и практики этого жанра (например, в сфере пейзажной лирики) и введением в художественную ткань пасторали элементов чувствительности, что отвечало эстетическим потребностям его современников, а также предпочтением ритмизованной прозы прежнему традиционному стиху.

3. Идиллия между эклогой и пасторалью (теория И. А. Шлегеля)

Большой вклад в развитие теории идиллии внёс И. А. Шлегель (1721—1793) («Об истинном предмете пасторальной поэзии», 1759), представитель поэтики рококо и сентиментализма. И. А. Шлегель представлял тезис о выразительном изначально характере поэзии; подражание, с его точки зрения, появилось позже.

И. А. Шлегель отмечает, что среди литературоведов существуют противоречия в вопросе о правилах написания пасторалей. Плохие поэты населяют прекрасные места грубыми крестьянами. Удачливые поэты изображают природу в её первозданности, но вместо пастухов изображают детей, имеющих рост взрослых [Schlegel, 1988, с. 112]. Ошибка поэтов, по мне-

нию И. А. Шлегеля, заключается также в том, что, желая исправить просчёт и сделать пастораль более совершенной, авторы вкладывают в уста пастухов высокий стиль, речь, полную поэтической смелости, наделяют их остроумием или делают их людьми большого мира [Ibid., S. 113].

И. А. Шлегель задаётся вопросом, откуда берётся столько противоречий в определении принципов этого жанра, и приходит к выводу, что исследователи обращали внимание только на форму пасторали, не задумываясь над её сутью, «не отделив случайное от необходимого» [Ibid., S. 114].

Разграничивая эклогу и стихотворение о сельской жизни, И. А. Шлегель считает ошибкой мнение, будто оба жанра изначально имели что-то общее, так как «пасторальная поэзия не выражает настоящую природу, а полностью посвящена подражанию» [Ibid., S. 115]. Каков же предмет для такого подражания? «Внешние признаки указывают на сельских жителей. Однако несхожесть между ними и поэтическими пастухами была настолько большой, что её нельзя было не заметить» [Ibid.]. И где поэзия прошлого находит прототипы? Ошибкой было бы считать, полагает И. А. Шлегель, будто она их берёт из жизни.

Говоря о цели пасторали, исследователь видит её в стремлении «изобразить нам нашу деревенскую жизнь» [Ibid., S. 116]. Если не принимать в расчёт мелкие совпадения, то пастораль существенно отличается от собственно ландшафтной поэзии и стихотворений о сельской жизни (Landgedichte). Это два совершенно разных жанра поэзии. Шлегель приводит в качестве примера стихотворение о сельской жизни С. Геснера «Желание» («Der Wunsch»), в котором подчёркивает «его сатирическую направленность против городской жизни» [Ibid.], а также «точное изображение наших крестьян» [Ibid.]. Такое стихотворение Шлегель не считает идиллией, а определяет его как «Landgedicht». Пастораль может принимать форму стихотворения о сельской жизни, и тогда она является «обобщающим изображением поэтического мира, причём изображением привлекательным» [Ibid., S. 117], а кому может не понравиться описание поэтами «золотого века»? Превращение же стихотворения о сельской жизни в эклогу вредит ему.

По мнению исследователя, стихотворения о сельской жизни относятся к дидактической лирике, поскольку в её основе лежит принцип правдивости [Ibid., S. 119], эклога же представляет в большей степени категорию исторической живописи в поэзии (Historienmalerei der Poesie). Пейзажная лирика и стихотворения о сельской жизни не показывают действия и не выводят действующих лиц, но изображают чувственные предметы, дают противопоставление «картин городской жизни» жизни деревенской, возвышая последнюю.

И. А. Шлегель считает, что жизнь в деревне, как и всё, связанное с человеком, имеет и свои неприятные стороны, грубые и тяжёлые. Поэтому, чтобы понравиться читателю, поэт изображает её лишь поверхностно, в целом [Ibid., S. 120]. Современные же крестьяне ни в коей мере не являются предметом изображения в пасторали [Ibid., S. 121], поскольку жизнь реальных крестьян полна неудобств, работа их тяжела, их чувства грубы. Изображение такой жизни вызовет не чувство удовольствия у читателей, но печаль [Ibid., S. 127].

В вопросе отбора материала для идиллий И. А. Шлегель присоединяется к мнению С. Геснера: поэт должен отобрать материал для идиллии, очистить его от всего грубого и художественно обработать, но не испортить его оригинальности. Чем правдивее материал, тем он менее привлекателен для читателя, а чем прекраснее картина, изображенная в идиллии, тем больше удовольствия вызывает она у читателя. Шлегель делает вывод, что поэт не ожидает сходства поэтических пастухов с пастухами реальными и неосознанно подражает идеальному образу [Ibid., S. 128].

Говоря о пасторали, И. А. Шлегель подчеркивает, что литературоведы определяют этот жанр расплывчато, смешивая главное и второстепенное. Суть пасторали вовсе не в описании. Описание — это сущность ландшафтной поэзии и стихотворений из сельской жизни, для пасторали же поэт отбирает самые привлекательные черты природы, хотя они и относятся к категории случайного. Будучи лишь украшением, случайное должно, однако, подчёркивать существенное [Ibid.].

Эклога посвящена чувствам (как, впрочем, по мнению И. А. Шлегеля, и ода), но чувствам не бурным, не болезненным и не возмущающим сердце (в отличие от оды). Хотя в основе эклоги лежит действие, однако, оно не героическое и не трагическое. Действие в ней «должно проистекать из природы» [Ibid.]. Эклога изображает, таким образом, нежные чувства и должна пробуждать такие же чувства в читателях. «Неожиданное в эклоге должно заключаться не в чудесном, а в наивном...» [Ibid., S. 129]. Итак, главным предметом пасторали являются «ощущения счастливой жизни, радость того блаженства, которое связано с невинностью и проистекает из неё» [Ibid.].

Место действия эклоги — природа, излучающая радость и покой. Эклога возвращает человека к «природному», естественному состоянию и вводит, по мнению Шлегеля, среди людей изначальное равенство [Ibid.]. Эклога «хочет нам представить именно природное, естественное состояние, а не статус крестьянина. С ней сочетаются все приятные чувства, которые соответствуют нашей природе, но в ней нет места выгоде, често-

люблю, зависти, ненависти, хвастовству, роскоши, лести, притворству» [Ibid.]. Доминирующие чувства в эклоге — свобода, покой, радость, удовлетворение и особенно любовь, причём любовь между пастухом и пастушкой чиста и невинна, безыскусна и верна. Фонтенель ограничил эклогу темой любви, а у Сен-Мара пастухи наделены свободой говорить обо всем, о чём они хотят. И. А. Шлегель считает, что возвышенные материи не свойственны характеру поэтических пастухов; всё, что не относится к сфере чувств, не есть тема эклоги. Её содержание — не только любовь, но и все благородные чувства: честность, откровенность, готовность помочь.

Давая определение пасторали, И. А. Шлегель пишет: «Ее основное содержание — это нежные чувства счастливой жизни, которые развиваются посредством простого — не героического и не комического, а просто естественного действия. Такие чувства представляются <...> на прекрасной сцене природы» [Ibid., S. 130].

Шлегель отмечает, что современным обществом утрачен образец для подражания, сейчас уже не найти того изначального «состояния природы», которое доставило бы нам удовлетворение [Ibid., S. 131]. В поисках идеала перед поэтом открывается несколько возможных путей: он может искать в представителях различных сословий отдельные «разрозненные черты истинного природного блаженства», «вернуть им первоначальный образ и обобщить их в единое целое, чтобы тем самым придать своему идеальному образу совершенство» [Ibid.]. Второй путь заключается в том, чтобы «вернуться к древним временам и заимствовать оттуда утерянное понятие, обновить его» [Ibid.]. Для этого поэт может обратиться либо к мифологии, либо к истории. В зависимости от выбора одного из трёх направлений поиска Шлегель выделяет три различных вида пасторали и три способа её создания: первый — это скорее сотворение, нежели отображение. По мнению Шлегеля, существует два типа подражания, одно из которых является «более творческим, чем другое» [Ibid.]. Более обычный тип подражания тот, «который создает один предмет из предметов одного рода, но которому он придаёт высшую степень совершенства» [Ibid.]. Например, портрет легендарной Елены, стихи о деревенской жизни, комедии, где из многих плутов делают одного, трагедии и большинство поэтических жанров. Второй тип подражания имеет несколько предметов различных видов, чертами которых наделяется один из них. В результате этого предмет не только становится лучше, но и преобразуется, создается новая сущность (сирены Гомера, гарпии Вергилия, химеры Гесиода). В результате этого типа подражания цветы, животные, предметы в баснях Эзопа обретают голос. Создавая Аркадию, поэт также обращается ко второму типу подражания.

У воспитанных городских жителей он находит естественные движения сердца наиболее развитыми, но они подавляются, искажаются пороками, царящими в городах. В деревне же, напротив, царят простота и чистосердечность, неиспорченные нравы, притягательность природы. Но здесь же поэт замечает грубость нравов, глупость, неразвитость ума и чувств, тяжелый ручной труд, тягостную жизнь [Ibid., S. 132]. Поэт ради достижения своей цели берёт из жизни города и деревни только приятное, убирает всё, что может вызвать недовольство и неприятие читателя, и создает новый мир, который относится к категории вероятного [Ibid., S. 133].

И. А. Шлегель задается вопросом: до какой степени можно описывать устройство сельской жизни — может ли поэт вдаваться во все подробности скотоводства и земледелия? И может ли автор (и до каких пределов) изображать сходство нравов пастухов с нашими нравами и особенно с нашими общественными отношениями. В качестве примера Шлегель приводит эклоги Геснера. Они, хотя и переносят нас в мир поэзии, однако не отрывают и от нашего времени. Шлегель считает, что поэт выигрывает, если приближает нравы, изображенные в идиллии, к современным.

Решая вопрос об остроумии пастухов, Шлегель не согласен ни с Фонтенелем, ни с Сен-Маром. Он представляет третью точку зрения: пастухи не должны наделяться в пасторали тонким остроумием, так как оно «работает против чувств», «ослабляет», «уничтожает» их [Ibid., S. 136]. Но Шлегель не видит причин, почему пастухам нужно полностью отказываться в остроумии, если оно не вытеснит изображение чувств, которые являются главным элементом в пасторали. Острословие пастухов, по мнению И. А. Шлегеля, должно быть, исходя из сути их характеров, лёгким, естественным, безвредным, не вводящим в изумление, короче, оно должно сочетаться как с безыскусными нравами, так и с добродетелями сердца» [Ibid.].

«Поэтический» пастух может иметь слабости, он обычный человек, но не дурак и не злодей. Он не ученый, не остроумец, не придворный, но и не поденщик, который своими трудовыми руками обрабатывает поле и обмолачивает пшеницу. Таким образом, И. А. Шлегель описывает тот вид эклоги, для которого поэт создает прообраз из различных предметов.

И. А. Шлегель признаёт за миром идиллии статус поэтической, идеальной страны, герои которой могут «создаваться» по принципу «возможности» сочетания выбранных поэтом черт характера. При таком подходе И. А. Шлегель пытался примирить традиционный принцип изображения пастушеского мира с принципом «подражания природе». Категория «возможности» была разработана в трудах швейцарцев Бодмера и Брейтингера, которые, полемизируя с Готшедом, предоставляли поэту больше прав

на свободу воображения. И. А. Шлегель обращается к этой категории, говоря о приукрашивании сельской жизни, что было выражением тезиса о том, что все искусства являются подражанием «прекрасной природе».

В своем труде Шлегель попытался модифицировать принцип «подражания природе», освободив идиллию от конкретного предмета подражания. Теперь предмет жанра конструировался в ходе рационалистического опыта с учетом политических ориентиров. Автор создает из «предметов различного рода» «новые существа», но при этом пастухов нельзя уподобить ни кентаврам, ни сиренам, тоже существам вымышленным, поскольку Шлегель вводит понятие «гипотетического правдоподобия» [Ibid., S. 132]. Выдвигая требование не изображать в идиллии ни героического, ни комического, И. А. Шлегель перемещает пастораль из жанров низких в средние, повышая тем самым её статус в иерархии жанров.

5. Polemicность теории М. Мендельсона

Мозес Мендельсон (1729—1786), религиозный философ, опубликовавший также труды по эстетике, был ведущим представителем берлинского Просвещения. В его трудах рационализм Лейбница и Христиана Вольфа сочетался с сенсуализмом Локка и имел оттенок психологизма Зюльцера. С 1759 по 1765 годы он выпускал совместно с Г. Э. Лессингом и издателем Ф. Николаи еженедельный журнал «Письма по поводу новейшей литературы», где публиковались рецензии и труды по эстетике различных родов изящной словесности, внося неоценимый вклад в развитие самобытной немецкой литературы. Письма М. Мендельсона об идиллии, появившиеся как полемика с работами И. А. Шлегеля (1759), приобретают популярность, способствуя, по замечанию самого автора, расцвету «нынешней моды на идиллическую поэзию» [Mendelssohn, 1988, S. 144].

М. Мендельсон дискутирует с И. А. Шлегелем, критикуя его мнение о том, что идиллия должна изображать лишь «нежные чувства», и, опираясь на примеры из Феокрита, реже — из Вергилия, изображавших в своих пасторальных произведениях и несчастную любовь, и страдания человека, утверждает, что «нежным» должен быть, скорее, пафос идиллии, нежели её содержание, которое может затрагивать также и грубые страсти [Ibid.]. М. Мендельсон предлагает иное, чем у И. А. Шлегеля, определение жанра идиллии, ожидая от него «мягкого выражения чувств таких людей, которые ведут безыскусную счастливую жизнь» [Ibid., S. 147]. Считая С. Геснера непререкаемым образцом в области пасторали, М. Мендельсон приводит его мнение из предисловия к «Идиллиям», замечая при этом, что Геснер-писатель и Геснер-критик по-разному относятся к сути идиллии.

Так, Геснер-критик признаёт за идиллией право изображать героев пасторальных произведений «в счастье и несчастье» [Ibid.].

На практике же Геснер редко изображает «своих пастухов в несчастье» [Ibid.]. В 86-м письме М. Мендельсон затрагивает проблему действия в идиллии и обращается к критике мнения И. А. Шлегеля, который полагал, что действие в идиллии не должно быть ни героическим, ни комическим, а «простым и естественным». Мендельсон утверждает при этом, что действие вообще «не является для этого жанра необходимым» [Ibid.], а если оно и присутствует, то может быть «смешанным» [Ibid.]. В отношении «прекрасной природы», которая, по мнению И. А. Шлегеля, должна быть сценой для действия идиллии, М. Мендельсон полагает, прибегая опять же к авторитету Феокрита (вспоминая его рыбацкую идиллию), что природа в пасторали может быть не только «прекрасной» и привлекательной.

Высказываясь по поводу положения И. А. Шлегеля о различиях между пейзажным стихотворением (*Landgedicht*) и пасторалью (*Schäferpoesie*), М. Мендельсон, тем не менее, относит их «к одному, высшему классу» [Ibid., S. 148], поскольку оба они имеют один предмет изображения и пробуждают в человеке «приятные чувства», заставляя его «с удовольствием сопереживать всем обстоятельствам жизни героев, которые в принципе также схожи: ведь герои живут, объединенные в небольшие сообщества <...> не зная высокоорганизованных отношений» [Ibid.].

При этом критик предлагает свой вариант определения идиллии. На его взгляд, этому жанру свойственно «чувственное выражение в высшей степени приятных чувств и страстей таких людей, которые живут небольшими сообществами» [Ibid., S. 149]. Подобный подход требует от автора сердечности и страсти при создании произведения и предоставляет ему выбор — предпочесть ли ему изображение нежных либо же бурных страстей. Лучшим советчиком, по мнению М. Мендельсона, является в этом вопросе «гений» автора.

В постулате о том, что предметом изображения в идиллии должно быть небольшое сообщество людей, заложена оппозиция «город — деревня», как и в описании пороков, приписываемых жителям больших городов: тщеславия, зависти, гордыни, стремления к превосходству. Желание сделать идиллию более реалистичной побуждает М. Мендельсона рекомендовать авторам изображать не только любовь, но и «ревность, нарушенную верность, обиду друзей, ужасную потерю близких и возлюбленных...» [Ibid.].

Продолжая полемику с И. А. Шлегелем, М. Мендельсон утверждает, что в идиллии может быть представлена категория героического, и ссылаясь на идиллию Сен-Мара, в которой пастух Тирсис голыми руками убивает

волка, похитившего овечку — залог верности его возлюбленной. Приводя в пример Вергилия (сцена с Силеном), М. Мендельсон также допускает изображение в идиллии смешного, предостерегая, однако, поэтов от бурлеска.

Для эстетической позиции М. Мендельсона характерно критическое отношение к французской теории идиллии. Он критикует её за чрезмерную нормативность, которую французские теоретики пытались привнести в этот жанр, подробно разрабатывая правила написания идиллии, вплоть до количества действующих лиц. Фонтенель вызвал недовольство немецкого исследователя ещё и тем, что соединил остроумие придворного и праздность поселянина, «чтобы создать пастуха по своему собственному вкусу» [Ibid., S. 151]. Для создания идиллии М. Мендельсон считает необходимым «облагораживать в высшей степени страсти и чувства людей, живущих небольшими сообществами» [Ibid., S. 152], но «в то же время нельзя идеализировать их образ жизни» [Ibid.], чтобы не нарушать их близости к природе и не входить в противоречие с принципом реализма изображения.

6. Заключение

Таким образом, в трудах теоретиков литературы от И. Х. Готшеда до М. Мендельсона можно отметить рационалистические тенденции и стремление увидеть в жанре идиллии отражение идеальной («разумной») природы. На следующем этапе, когда начал формироваться культ «чувствительности» и возрос субъективизм, С. Геснер, И. А. Шлегель и М. Мендельсон отметили стремление писателей и читателей, осознавших несовершенство общественного устройства, к уединению на лоне природы и попытки в идиллии найти для себя средство компенсации утраты общественных связей.

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Историческая подвижность категории жанра : опыт периодизации / С. С. Аверинцев // Риторика и истоки европейской литературной традиции. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — С. 101—114.
2. *Зыкова Е. П.* Пастораль в английской литературе XVIII века / Е. П. Зыкова. — Москва : Наследие, 1999. — 252 с.
3. *Клейн И.* Пути культурного импорта : труды по русской литературе XVIII в. / И. Клейн. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — 576 с.
4. *Пахсарьян Н. Т.* Миф, пастораль, утопия : к вопросу о дифференциации и взаимодействии литературоведческих понятий / Н. Т. Пахсарьян // Миф — Пастораль — Утопия : сборник научных трудов. — Москва : МГОПУ, 1998. — С. 12—24.
5. *Саськова Т. В.* Жанровая природа пасторали в историко-культурном осмыслении / Т. В. Саськова // Литература в системе культуры : материалы научного семинара. — Москва : МОГПУ, 1997. — Вып. 1. — С. 36—45.

6. Юрченко Т. Г. Пастораль / Т. Г. Юрченко // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. — Москва : НИП «Интелвак», 2001. — Стб. 725—728.

7. *Böschenstein-Schäfer R.* Idylle / R. Böschenstein-Schäfer. — Stuttgart : Metzler, 1967.

8. *Gessner S.* An den Leser. Aus : Idyllen von dem Verfasssr des Daphnis (1756) / S. Gessner // Deutsche Idyllentheorien im 18. Jahrhundert. Mit einer Einführung und Erläuterungen / Hrsg. von Helmut J. Schneider. — Tübingen : Narr, 1988. — S. 109—111.

9. *Gottsched J. C.* von Idyllen. Eklogen oder Schaeferdedichten. Aus : Versuch einer Critischen Dichtkunst (1730) / von J. C. Gottsched // Deutsche Idyllentheorien im 18. Jahrhundert. Mit einer Einführung und Erläuterungen / Hrsg. von Helmut J. Schneider. — Tübingen : Narr, 1988. — S. 93—100.

10. *Mendelssohn M.* Briefe. Aus : Briefe, die neueste Literatur betreffend (1760) / M. Mendelssohn // Deutsche Idyllentheorien im 18. Jahrhundert. Mit einer Einführung und Erläuterungen / Hrsg. von Helmut J. Schneider. — Tübingen : Narr, 1988. — S. 144—154.

11. *Schlegel J. A.* Von dem eigentlichen Gegenstande der Schaeferpoesie (1751) / J. A. Schlegel // Deutsche Idyllentheorien im 18. Jahrhundert. Mit einer Einführung und Erläuterungen / Hrsg. von Helmut J. Schneider. — Tübingen : Narr, 1988. — S. 111—144.

12. *Schneider H. J.* Einführung / H. J. Schneider // Deutsche Idyllentheorien im 18. Jahrhundert / Hg. von Helmut J. Schneider. — Tübingen : Narr, 1988. — S. 3—74.

Genesis and Development of Idyll Genre Theory in Germany in the First Half of the 18th Century (from I. H. Gushed to M. Mendelssohn)

© **Anisimova Aleksandra Naumovna (2017)**, PhD in Philology, associate professor, Department of Philology and Mass Communications, Samara Branch of Moscow City Pedagogical University (Samara, Russia), AnisimovaAN@mgpu.ru.

The features of formation of idyll genre theory in Germany in the first half of the 18th century in the works of I. H. Gushed, S. Gessner, I. A. Schlegel and M. Mendelssohn are considered. The results of comparative analysis of the concepts of German theorists are presented. The novelty of the research is seen in the system covering the approaches to the study of the idyll genre, which have developed in German literary criticism. The research urgency is caused by the consideration of the basic stages of development of idyll genre: (1) utopian modality (the search for “the golden age”) in the concept of I. H. Hatched, (2) social orientation of idylls by S. Gesner, (3) raising the status of the idyll in the genre hierarchy (from the lower to the middle) to the concept of I. A. Schlegel, (4) the rejection of normativity of the genre of idyll in the concept of M. Mendelssohn. The definitions for the terms *idyll*, *eclogue*, *pastoral* are given. The author dwells on the results of the studies described in the major works of these theorists. The fragments of the works inaccessible to the Russian reader are cited

and commented. The article represents a synthesis of the experience of the author's work on this topic. It is concluded that in the writings of literature theorists from I. H. Hatched to M Mendelssohn it is possible to note the rationalistic tendencies and the desire to see in idyll genre the reflection of the ideal ("reasonable") nature.

Key words: idyll; eclogue; pastoral; utopian modality; genre.

References

- Averintsev, S. S. 1996. Istoricheskaya podvizhnost' kategorii zhanra: opyt periodizatsii. In: *Ritorika i istoki yevropeyskoy literaturnoy traditsii*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 101—114. (In Russ.).
- Böschenstein-Schäfer, R. 1967. *Idylle*. Stuttgart: Metzler. (In Germ.).
- Gessner, S. 1988. An den Leser. Aus: Idyllen von dem Verfasser des Daphnis (1756). In: von Helmut J. Schneider (hrsg.) *Deutsche Idyllentheorien im 18. Jahrhundert. Mit einer Einführung und Erläuterungen*. Tübingen: Narr. 109—111. (In Germ.).
- Gottsched, J. C. von. 1988. Idyllen. Eklogen oder Schaeferdedichten. Aus: Versuch einer Critischen Dichtkunst (1730). In: von Helmut J. Schneider (hrsg.) *Deutsche Idyllentheorien im 18. Jahrhundert. Mit einer Einführung und Erläuterungen*. Tübingen: Narr. 93—100. (In Germ.).
- Kleyn, I. 2005. *Puti kulturnogo importa: trudy po russkoy literature XVIII v*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
- Mendelssohn, M. 1988. Briefe. Aus: Briefe, die neueste Literatur betreffend (1760). In: von Helmut J. Schneider (hrsg.) *Deutsche Idyllentheorien im 18. Jahrhundert. Mit einer Einführung und Erläuterungen*. Tübingen: Narr. 144—154. (In Germ.).
- Pakhsaryan, N. T. 1998. Mif, pastoral', utopiya: k voprosu o differentsiatsii i vzaimodeystvii literaturovedcheskikh ponyatiy. In: *Mif — Pastoral' — Utopiya: sbornik nauchnykh trudov*. Moskva: MGOPU. 12—24. (In Russ.).
- Saskova, T. V. 1997. Zhanrovaya priroda pastorali v istoriko-kulturnom osmyslenii. In: *Literatura v sisteme kultury: materialy nauchnogo seminara, 1*. Moskva: MOGPU. 36—45. (In Russ.).
- Schlegel, J. A. 1988. Von dem eigentlichen Gegenstande der Schaeferpoesie (1751). In: von Helmut J. Schneider (hrsg.) *Deutsche Idyllentheorien im 18. Jahrhundert. Mit einer Einführung und Erläuterungen*. Tübingen: Narr. 111—144. (In Germ.).
- Schneider, H. J. 1988. Einführung. In: von Helmut J. Schneider (hrsg.) *Deutsche Idyllentheorien im 18. Jahrhundert. Mit einer Einführung und Erläuterungen*. Tübingen: Narr. 3—74. (In Germ.).
- Yurchenko, T. G. 2001. Pastoral'. In: Nikolyukin, A. N. (ed.) *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy*. Moskva: NPK «Intelvak». 725—728. (In Russ.).
- Zykova, E. P. 1999. *Pastoral' v angliyskoy literature XVIII veka*. Moskva: Naslediye. (In Russ.).